

Рисунок 4 – Фрагменты окон

Список цитированных источников

1. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі. – Мінск, 2006.

УДК [711+72] (09) (476.7)

Воробей А.В.

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ДОЛЕТОПИСНОГО БЕРЕСТЬЯ

Задача данного исследования – определить структуру и планировочные особенности раннесредневекового Берестья, выявить черты его своеобразия. Планировочная структура города – это не просто взаиморасположение его составных частей. Она, по сути дела, отражает функциональную среду городской общины, являясь её строительной оболочкой.

Анализ структуры средневекового города логично начать с такого элемента, как оборонительные сооружения. Не случайно, у всех славян слово «город», «град», «груд» обозначало укрепленное поселение, крепость, защитную оГРАДУ. Исходя из этого, сначала проводится анализ городских укреплений, их замков, детинцев, кремлей. Но необходимо помнить, что появление оборонительных сооружений было, как правило, следствием, а не причиной возникновения города. Не случайно, в Польше, Чехии, Великом княжестве Литовском термин «град», означавший укрепленное первобытнообщинное поселение, сменился термином «miasto», «место», означавшим как укрепленное, так и неукрепленное поселение [3, с. 3].

Казалось бы, на вопрос о расположении берестейского детинца ответил П.Ф. Лысенко в результате археологических исследований 1970 - 1980 гг. Анализ материалов археологических раскопок на территории Волынского укрепления Брестской крепости позволил сделать вывод о расположении детинца средневекового Берестья на мысу у слияния левого рукава Мухавца с Зап. Бугом.

Однако возникает ряд вопросов. Самая ранняя из обнаруженных построек датирована серединой XII в. [1, с. 396]. Предметы материальной культуры датированы не ранее X - XI вв., то есть периодом первых известных упоминаний Берестья в летописных источниках. Как правило, поселения возникали до их первого упоминания в источниках (если упоминание не связано с основанием поселения). Раскопки проводились на ограниченной территории. Не проводились археологические исследования соседних островов, образованных рукавами Мухавца. В результате проведенных в рамках охранных работ летом 2006 г. раскопок на центральном острове Брестской крепости были обнаружены остатки глинобитной печи и керамика X века. Это позволяет сделать предположение о том, что указанная территория была заселена раньше, территории предполагаемого детинца.

Автор делает попытку установить первоначальное месторасположение Берестья и его планировочную структуру, опираясь на анализ литературных и картографических источников.

Существует несколько теорий возникновения городов на землях Восточной Европы. Согласно одной из них, «замковой», город развивался с основания крепости (замка), даже вне сложившихся поселений. Странники теории «племенных городов» считали, что города вырастали на основе существовавших ранее племенных или родовых поселений [2, с. 14].

При анализе европейского средневекового градостроительства на первое и второе место из градообразующих факторов ставится рынок и добывающая и обрабатывающая промышленность (ремесло). Стратегический фактор занимает лишь третье место. Если причиной возникновения города были торговля и ремесло, то рыночная площадь и торгово-ремесленный посад вокруг неё должен рассматриваться как исходное пятно города. В данном случае неважно, где появилось это «пятно» – у стен замка, монастыря, на переправе через реку или на перекрестке торговых путей. В последнем случае как раз наоборот – замок и монастыри «приходили» к городу.

В основе возникновения и роста славянских городов лежали те же принципы. Поэтому и города эти можно рассматривать с точки зрения расположения рыночной площади и прилегающей сетки улиц посада [3, с. 4].

В данном контексте интерес представляет «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» П.М. Шпилевского, изданное в 1858 г. Шпилевский пишет: «...стали возле него (купца) селиться различные кочующие племена. Впоследствии славянские племена имели уже там постоянные свои оселища, свои колонии и, по древнему обычаю, *острог*, ... потом соорудили *городок* с замком на том самом месте, где ныне находится крепость... Таковую осед-

лость славянских племён в этих местах нужно относить по крайней мере к X, если не к XI веку (а может быть, и раньше). Хроника польская свидетельствует, что Болеслав Храбрый первый овладел *этими колониями*, или поселениями, в 1020 году и присоединил их к своим землям... В 1182 году Казимир Справедливый присоединил к Польше все *колонии брестския* и построил *над рекою Бугом, на взгорье, окружённом болотами*, оборонительный *замок*... Постройку нового, лучшего замка приписывают Волынскому князю Владимиру, прозванному Философом в 1275 году...» [5, с. 16, 17].

Безусловно, следует отметить, что ссылка на указанный источник не является научным трудом, скорее, он имеет краеведческий и научно-популярный характер. В своём тексте Шпилевский интерпретирует Длугоша: «...Лета Господня 1182... Казимир, князь и монарх польский, узнав о выходе из-под послушания Брестской земли и её столицы, расположенной над рекой Буг, сразу же взялся за оружие и, собрав войска как конные, так и пешие, быстрым маршем прибыл под Брест (Brzesc), осадил его и через 12 дней взял силой. После чего главных виновников заговора покарал смертью и, замок над городом (grodek nad miastem) поставив, обеспечил его сильным отрядом, чтобы удержать народ в послушании под страхом наказания...» [9, с. 106].

Автор исследования неспроста выделяет жирным курсивом отдельные фрагменты текста. Упоминаемые Шпилевским «оселища» и «колонии» соответствуют закономерности, выявленной академиком Рыбаковым – предысторические поселения (грады, присёлки) располагались, как правило, группами. К середине XII в. посреди почти каждой подобной группы появился летописный город – центр одного из племён, составлявших славянские племенные союзы [4, с. 25].

В данном контексте интересен фрагмент из Хроники Титмара Мерзебургского, где говорится про «город польского короля (Берестье)» 1017, обозначенный в оригинале не *arx* (крепость) или *civitatis* (город), но *urbem* – термин, применяемый Титмаром к Киеву и др. крупным городам [10, с. 175].

С XI века начинается борьба за Берестье между польскими и русскими правителями. Это говорит о том, что Берестье был на то время значительным населённым пунктом, владение которым позволяло контролировать торговый путь из Волыни на Балтику и из Польши в Турово-Пинское княжество. Результаты дендрохронологического анализа элементов деревянных конструкций с раскопок П.Ф. Лысенко не противоречат датам строительства замка Казимиром Справедливым и последующего строительства «нового, лучшего замка» князем Владимиром. Шпилевский утверждает, что Казимир Справедливый построил замок «над рекою Бугом, на взгорье, окружённом болотами», то есть на новом, незаселённом месте, выгодном для постройки замка, контролирующего водные пути. Причём сделал это после присоединения «колоний Брестских» к Польше. Отсюда можно сделать следующие выводы:

- территория, частично исследованная П.Ф. Лысенко, являлась местом заложения замка просуществовавшего с XII в. до 1-й половины XIX в.;

- замок как резиденция и опорный пункт правителя являлся вторичным по отношению к поселению (что подтверждается находками из раскопа лета 2006 г.);

- на островах в устье Мухавца могли располагаться одно или несколько поселений, объединённые к XI веку под названием Берестье (Берестий, Берестие).

Версию возникновения Берестья как поселения, воздвигнутого на месте пристаней и днёвок купцов, выдвигает и Х. Зонненберг, приписывая основание Берестья заезжим еврейским купцам [6, с. 18].

При реконструкции планировочной структуры города наиболее достоверные данные дают материалы археологических раскопок. В данном случае опираться на них проблематично. Площадь раскопанного участка ничтожно мала как по сравнению с территорией предполагаемого нахождения первоначального поселения (поселений), так и с территорией средневекового города.

Восстановить первоначальную структуру поселения можно благодаря исследованию плана города. Европейскими учёными был разработан метод структурного анализа городского плана. Однако его возможности ограничены степенью сохранности исторически сложившегося городского комплекса.

Необходимо также учитывать общественно-политические процессы, происходившие в определённые исторические периоды. С XIII в. на землях западных славян, а с XIV и на восточнославянских, (на территории ВКЛ) проходит городская реформа с введением Магдебургского права. Правовое и пространственное переустройство городов получило название *локация*.

При даровании городу права на самоуправление королём назначался локатор (войт), выделявший участки мещанам. Реализацией локация являлось уплотнение застройки, организация рынка (как правило, прямоугольной формы), прокладка новых улиц и нарезка участков.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: насколько планировочная структура долокационного города была трансформирована в результате локация? Тут следует обратиться к исследованиям польских учёных, предложивших оригинальную методику восстановления планировочной структуры долокационных городов. Эта методика была использована при реконструкции планировки доисторического Гродно [2]. Учитывая то, что колонизация славянскими племенами балтских земель Гродненщины и Берестейщины происходила в один период [8, с. 20], а также соседство с польскими землями в обоих случаях, автор считает целесообразным применить данную методику к реконструкции планировочной структуры древнего Берестья.

В наиболее полном объёме эта методика разработана архитектором Бобинским и освещена в книге «Польские города долокационного периода». Бобинский опирается на нерушимость собственности на землю как основу феодализма. Соответственно, земельный надел – первичная единица городской структуры – являлся достаточно стабильной единицей. Собственность на землю освящалась церковью и поддерживалась властью [3, с. 12].

Земельные наделы раннего Средневековья, различаясь по габаритам, имели схожую ориентацию относительно улицы – как правило, располагались перпендикулярно по отношению к фронту застройки. С Бобинский разработал

регрессивный метод воссоздания структуры раннесредневековых городов. Он выделил следующие случаи сохранения планировочных реликтов:

- веерная планировка клинообразных наделов, образовавшаяся на месте маленьких общинных градов;
- фрагменты застройки криволинейных улиц, уцелевшие от планировочного элемента «овальница»;
- малые земельные участки, расположенные узкой полосой, образовавшиеся на месте утраченных оборонительных укреплений;
- квадратные или прямоугольные торговые площади, размещавшиеся в середине древнего веретена;
- деформированные границы земельных участков, ранее имевших прямоугольную или клинообразную форму.

При поиске реликтов долокационной планировки следует учитывать планировочную композицию всего города, схему первоначальных дорог, расположение ведущих сооружений (доминанты), а также характер размещения и величину наделов в разных частях города. И главное условие для проведения исследования по регрессивному методу – наличие плана города с нанесёнными границами земельных наделов, т.н. опорного плана.

При проведении исследования автор использует план с гравюры Эрика Дальберга «Осада Бреста шведами 1657 г.», план города 1740 и 1823 гг. При сравнении этих планов видно, что планировочная структура города оставалась практически неизменной с середины XVII по первую половину XIX вв.

Учитывая, что инструментальная съёмка появилась во второй половине XVIII в., в качестве опорного плана принимаем план 1823 г. с корректировкой по планам более раннего периода (илл. 1). На этом плане наиболее чётко видно расположение участков. На планах середины XVII в. застройка показана поквартально (илл. 2). Представление о расположении зданий может дать перспективное изображение с гравюры (илл. 3). План 1740 года выполнен с расстановкой зданий (илл. 4). На всех планах показаны архитектурные доминанты (Замковая гора, сакральные здания), улицы, дороги, мосты. На планах XVII в. показаны не только существующие, но и проектируемые оборонительные сооружения.

Реконструкцию логично осуществлять в следующей последовательности. Сначала, исходя из общей градостроительной ситуации, определить трассировку доисторических путей сообщений (дорог). Исходя из расположения коммуникаций, выявить место предполагаемого нахождения града, присёлков, торжищ. Затем попытаться восстановить развитие планировочной структуры Бреста на основных этапах развития.

Для начала попытаемся воссоздать трассировку раннеисторических дорог исследуемого региона. Обратимся к картографическому и историографическому материалу. В XVI веке упоминаются гостинцы Виленский, Краковский, Кобринский, Теребуньский, Луцкий [7].

В доисторический период реки являлись основными путями сообщения. Сухопутные дороги прокладывали в первую очередь вдоль рек по надпойменной террасе. По Бугу проходили торговые пути из Волыни, Венгрии на Балтику и с востока на запад. В данном контексте логично предположить, что Луцкий и Теребуньские гостинцы возникли в долетописный период истории Берестья как сухопутные «дублёры» Бужского водного пути. Гостинец Кобринский проходил вдоль реки Мухавец на восток. Он шёл из польских земель в Туровскую и далее, к Днепру. Касаемо гостинцев Краковского и Виленского, автор предполагает, что они возникли в более поздний период (илл.5). Возникновение Виленского гостинца логично отнести ко времени переноса столицы ВКЛ в Вильно. В совокупности с Краковским Виленский гостинец формирует важнейшую для того времени ось Вильно-Краков.

Итак, получаем три основных дороги, точнее направления, которые должны были сформировать структуру доисторического Берестья. Они отлично прочитываются на планах города. Продолжением Теребуньского гостинца в городской топографии являлась улица Пясецкая. Она выходит к прямоугольной в плане рыночной площади. С востока от площади отходит ул. Волынская (в XVI веке - Ковальская), ведущая к ул. Виленской (Виленский гостинец) и Кобринской (соответственно, Кобринский). Улица Ковальская в южной её части выходит к мосту через левый рукав Мухавца и далее – на Луцкий тракт. Интересно то, что в XVII – XVIII вв. он проходил ближе к Бугу, чем в начале XIX в. Теребуньский гостинец утратил, очевидно, своё значение к концу XVII в., что отчётливо прослеживается на планах (илл. 1).

Улица Кобринская как продолжение Кобринского гостинца за мостом через рукав Мухавца (в XVI веке – р.Угринка) переходит в ул. Базильянскую и Долгую (в XVI в. – ул. Жидовская). Выделяя эти улицы – Пясецкую, Жидовскую, Бернардиескую – на плане мы получаем рудименты – т.н. овальницы или веретена. Проводим линию по границе застройки в северной части острова и получаем ярко выраженную овальницу, «спрятанную», но сохранившуюся в плане более позднего поселения (илл. 6).

Овальницей называлось открытое раннеславянское поселение, улица которого имела заметное расширение. Считается, что устройство расширения было необходимо для торговли, ночной стоянки купеческого каравана, выпаса скота. Овал с миндалевидной рыночной площадью – древнейшая форма поселения, характерная для городов Польши, Чехии, Словакии. Однако следы овальницы обнаружены в плане центральной части швейцарского Берна и др. западноевропейских городов (илл. 7) [3, с. 4].

Лавки, дома, склады, мастерские, превращавшиеся со временем в сплошные торговые ряды, выходили на улицу или площадь с обеих её сторон на всём протяжении. На одном конце такого «длинного рынка» за пределами поселения, контролируя переправу, мог находиться замок, на другом – приходской храм, в середине – общественный рыночный колодец.

Если на овальное поселение падал фокус торгово-географических связей и дороги становились оживлённей, то оно быстро разрасталось. Новая застройка обволакивала его, потом окружалась крепостной стеной (парканом). До строительства стены среди застройки появлялся городской собор с площадью, несколько монастырей. По перпендикуляру от новой застройки к длинному рынку устраивались улочки-проходы, что приводило к возникновению мягкой, не строго геометрической сетки улиц.

Размещение берестейского поселения-овальницы вполне логично – на самом большом острове в устье Мухавца, где достаточно места для проживания не только ремесленников, торговцев, но и землепашцев, вдоль транзитной сухопутной дороги. Поселение было слегка удалено от Буга, возможно, закрыто лесом со стороны реки – из соображений безопасности. При этом размещение его весьма благоприятно – центр острова и поныне является самой высокой точкой в окрестности. Сухопутный торговый путь из Польши на восток проходил по берегам Западного Буга, затем сворачивал вдоль Мухавца и, пересекая острова в его устье, шёл дальше по высокому правому берегу.

По мнению российского историка Костомарова: «...Жители расположенных близко между собой сёл строили укрепленные места, принадлежащие всем им вместе, в равной степени служившие в случае надобности убежищами. Такие укрепленные места назывались градами, или, по русскому наречию, городами» [2, с. 15]. Так называемые городища-убежища встречаются на Брестчине. Ближайшее к Бресту – городище-убежище в д. Филиповичи Жабинковского района. Подобную роль могло выполнять городище рядом с селищем Франополь Брестского района, уничтоженное в X веке во время вражеского набега.

Где мог располагаться предысторический град Берестья? Раннеисторическое население не оседало где попало: при формировании элементов поселений старались использовать выгодные качества участка. Для града наиболее рационально использовать небольшую возвышенную площадку с максимальной естественной защитой (слияние рек, заболоченная старица и т.д.). Древний град должен быть планировочно увязан с присёлком, дорогами, торжищем. По Бобинскому, признак существования маленького общинного града – веерная планировка клинообразных наделов на плане более позднего периода. На опорном плане в данном контексте интересны два участка. Первый – мыс в восточной части острова, восточнее Бернардинской улицы. Второе – остров, в XVI веке Заугрынецкое (Заугринское) предместье (илл.8). Улица Бернардинская соединяла Кобринский и Луцкий гостицы. На этой территории расположена Николаевская церковь, которая считается одним из древнейших христианских храмов Берестья (дата основания неизвестна). Размещение этого древнейшего храма не случайно: на пересечении трёх важных дорог, он мог быть поставлен на месте древнего капища или града. В любом случае, в легенде об основании церкви неоднозначно говорится, что она была основана «в городе Бресте». Подразумевался ли под «городом» древний град, точнее место его расположения (основание христианской церкви в языческом граде невероятно), или город в смысле «территория», сказать трудно.

Вероятным местом для размещения града автору видится соседний остров – Заугрынецкое предместье. На опорном плане в южной части острова привлекает внимание конфигурация улиц – Старой Копиской (бывш. Преорской) и примыкающей к ней безымянной. Не тут ли и располагался долетописный град? Сюда сходятся древние дороги. Название улицы Кописка происходит от слова «капище», «капцы» – еврейское кладбище, расположенное южнее этой улицы. Известно, что еврейские кладбища нередко оказывались на месте доисторического града или капища. Логичнее предположить, исходя из анализа рельефа, что град располагался на возвышенном месте на оси Кобринской улицы, которая служила въездом на городище. Доисторическая дорога на Кобрин могла проходить ближе к реке, под защитой валов городища, через подградье. Мысленно продлевая трассу Кобринского тракта на запад вдоль Мухавца, мы попадаем как раз на Старую Кописку улицу (илл. 8). Прямоугольная территория в южной части острова, восточнее кладбища и южнее ул. Копиской, застроенная деревянными зданиями – место расположения Августинского кляштора. Монастыри, как архитектурные доминанты, могли размещать как в сложившейся застройке на свободных (либо пожертвованных), так и у въезда в город в качестве дополнительной защиты. Возможно, в более поздний период дорога изменила своё направление и стала проходить севернее, мимо основанного в начале XVII века доминиканского монастыря. «Переехал» в центр города с непристижного места за «копищем жидовским» в середине XVII века и Августинский кляштор. Небольшое изменение в трассировке дороги (улица Кобринская), скорее всего, произошло благодаря появлению Виленского гостицы, который по значимости превосходил Кобринский.

До августинцев на данной территории находился «палац Бируты» – жены Кейстута и матери Витовта. Данный факт также указывает на возможное расположение укрепления на рассматриваемой территории. Место, выбранное для дворца княгини, не могло быть случайным. Не в последнюю очередь тут учитывался стратегический (оборонительный) фактор.

Размещение городища (града) у слияния двух рек, но на некотором отдалении от большой судоходной реки имеет распространение на территории Беларуси. Детинец древнего Полоцка располагался в километре от впадения Полоты в Двину. Подобные примеры можно наблюдать в развитии Волковыска и Заславля (илл. 10). Когда же, с ростом поселения, существующий град переставал удовлетворять потребностям как обороны, так и контроля за торговыми путями, феодал, владевший или захвативший город и присоединивший его к своим владениям, строил новую крепость на новом, более удобном месте. Это могло делаться и в целях противопоставления власти сюзерена местной племенной знати. Расположение града (замка) на небольшом острове, образованном рукавами Мухавца и Угринки, соответствовало требованиям обороны и позволяло контролировать путь по Мухавцу, но не позволяло контролировать движение по Западному Бугу. Следует заметить, что замок, связанный с городом посредством моста, стоит как бы особняком в планировочной структуре города, олицетворяя дистанцию между верховной властью князя (короля) и местным самоуправлением. На это указывает и Длугош: «...замок над городом (grodek nad miastem)» поставив, обеспечил его сильным отрядом, чтобы удержать народ в послушании под страхом наказания...» [9, с. 106].

С ростом поселения и активизацией торговых связей внутреннее пространство овалницы стало тесным для торгового пространства. К тому же появился новый градостроительный акцент – княжеский, а позже королевский замок, к которому не могла не стремиться торговая площадь. Учитывая, что значительный процент товаров доставлялся по воде, место для торговли «перемещается» южнее поселения, ближе к реке (и к замку), оставаясь привязанным к старым сухопутным трассам. Недаром на этом месте и в более поздние, постлокационные времена размещалась торговая

площадь – «пляц мейский». Небольшое торжище могло размещаться под градом на берегу Мухавца. В результате мы получаем трёхчастную структуру: град-присёлок-торг, характерную для раннеславянских поселений (илл. 11). Эта структура предвосхищала более позднюю, постлокационную структуру средневековых городов замок-место-предместья, где торговая площадь входит в состав места, являясь, как правило, его композиционным центром.

Автор выражает благодарность А.Д. Никитчику за конструктивные дискуссии и предоставленный историографический материал.

Иллюстрации

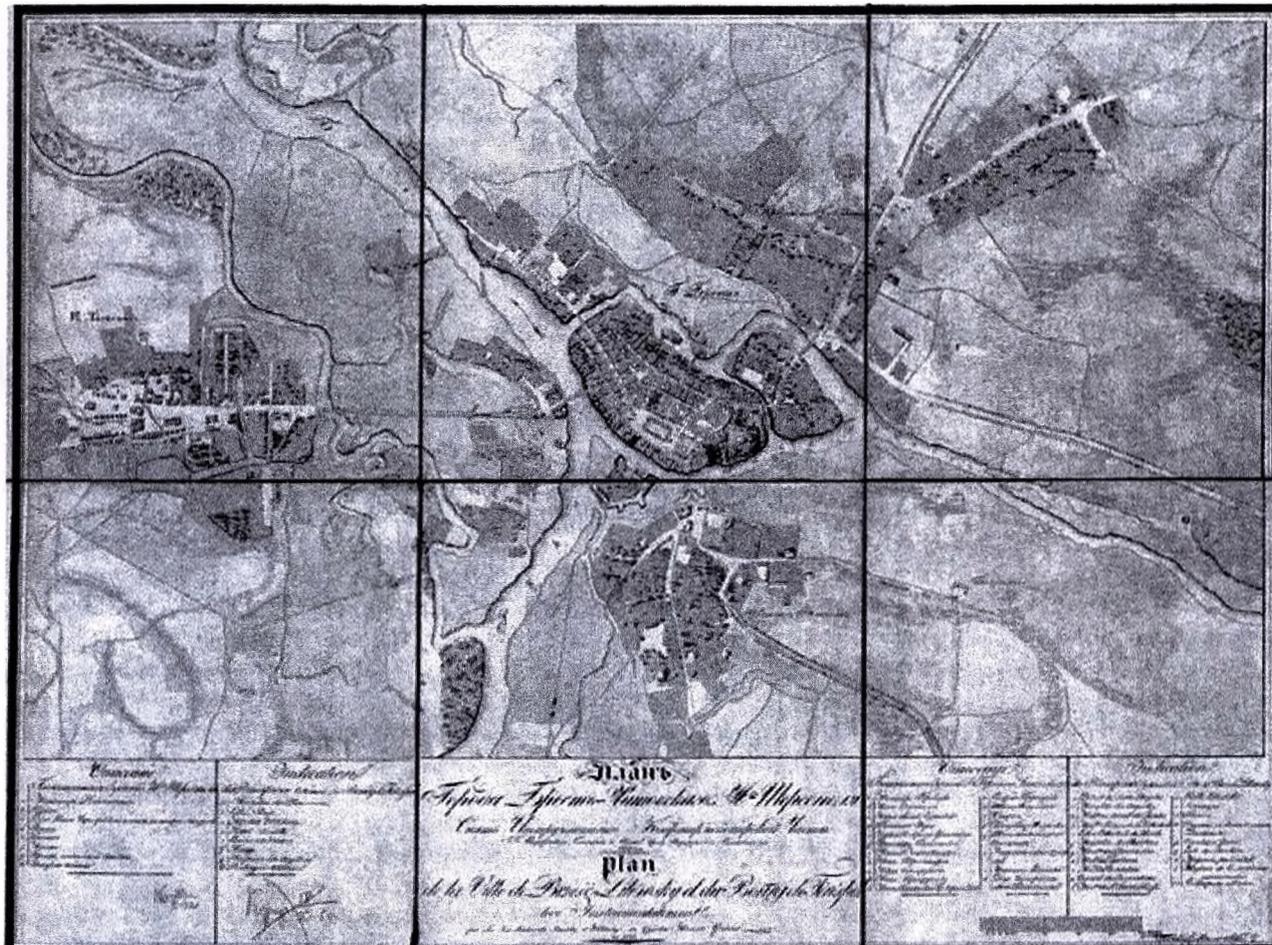

Иллюстрация 1 – План города Брест-Литовска 1823 г.

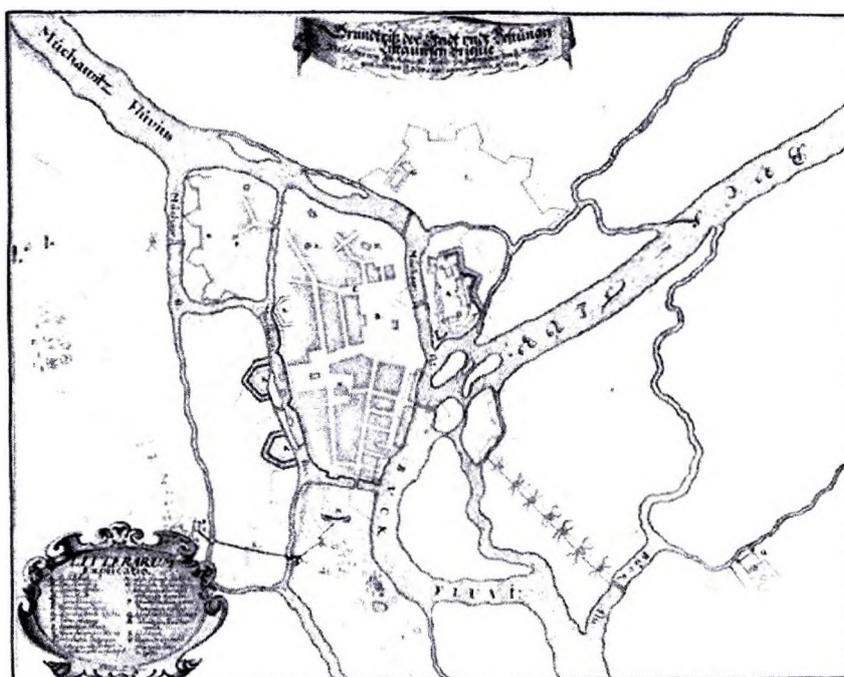

Иллюстрация 2 – План города 1657 г.

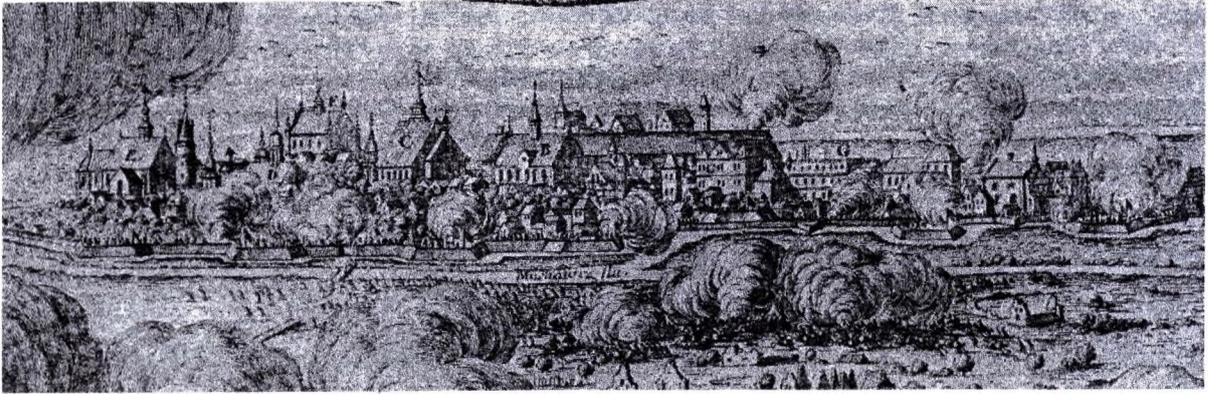

Иллюстрация 3 – Панорама города 1657 г.

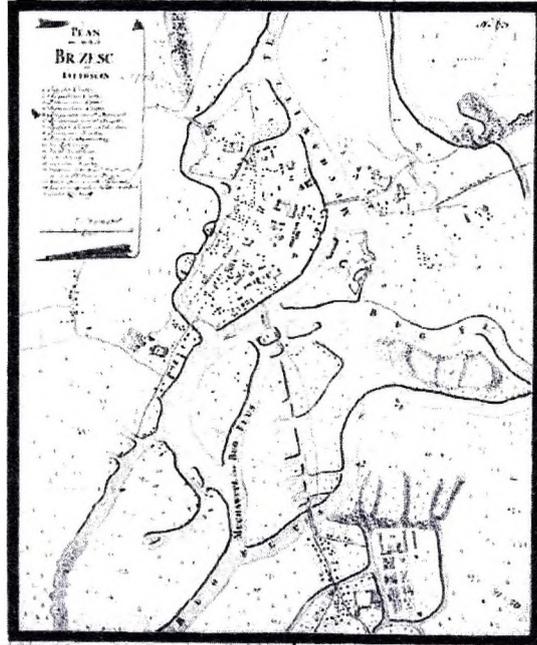
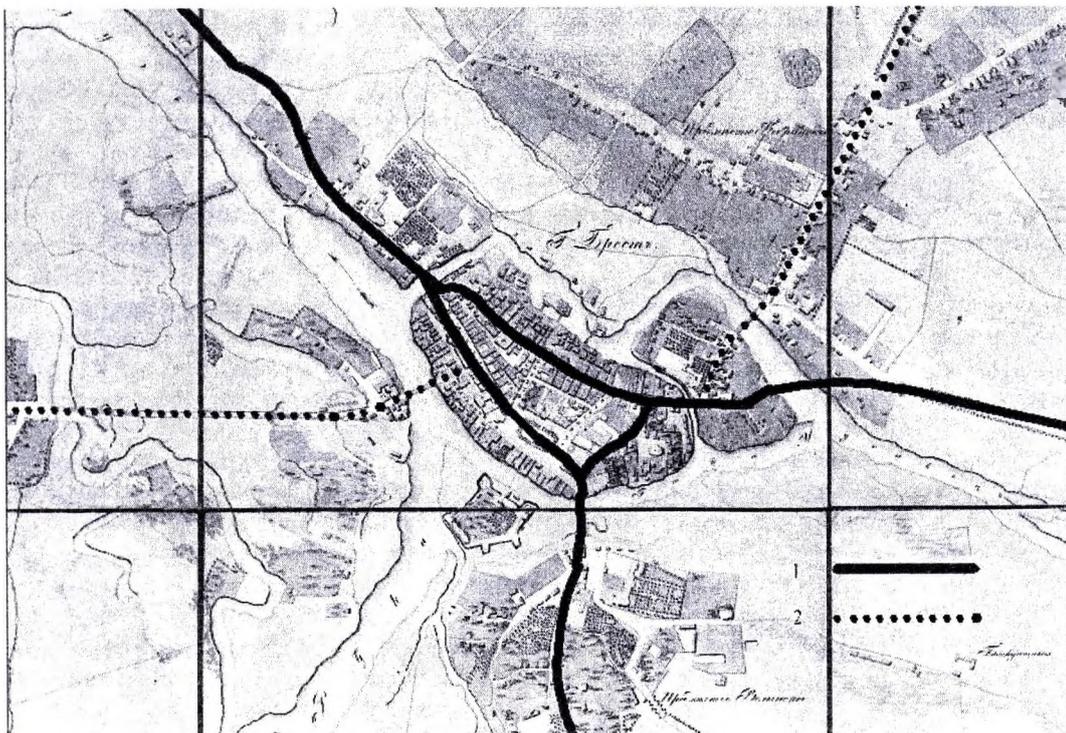

Иллюстрация 4 – План Бреста 1740 г.

1 – дороги допетровского периода; 2 – дороги периода формирования ВКЛ
Иллюстрация 5 – Схема сухопутных дорог долокационного Берестья

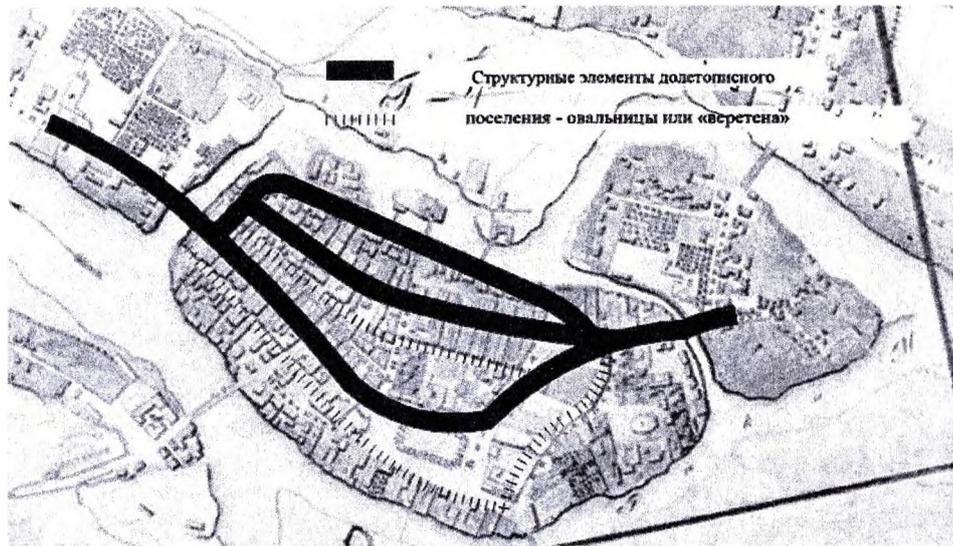
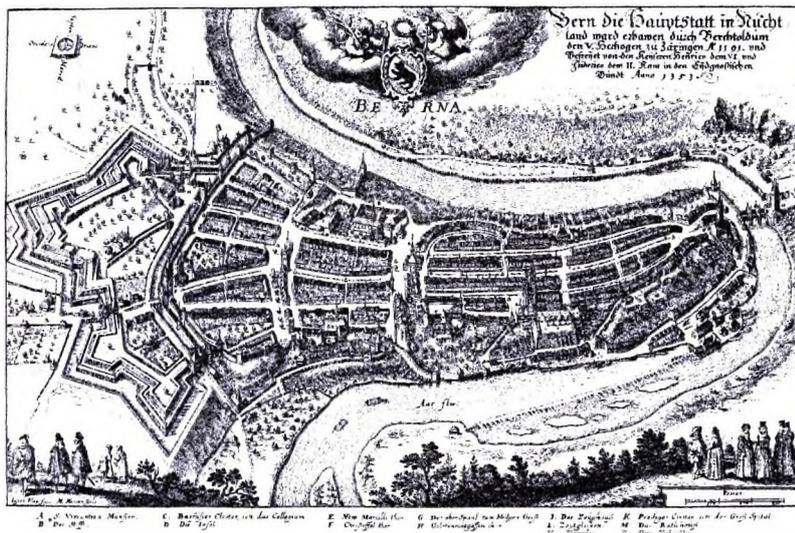
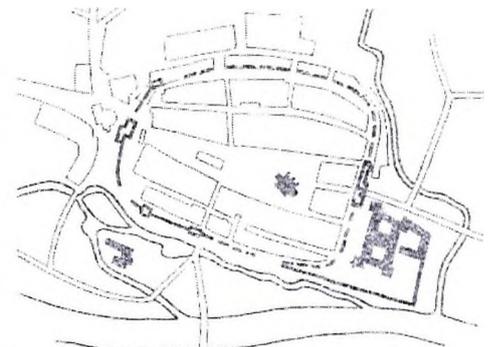

Иллюстрация 6 – Рудименты овалницы в плане Брест-Литовска

а. Берн XVII в.

б. Подолинец (Словакия)

Иллюстрация 7 – Планы

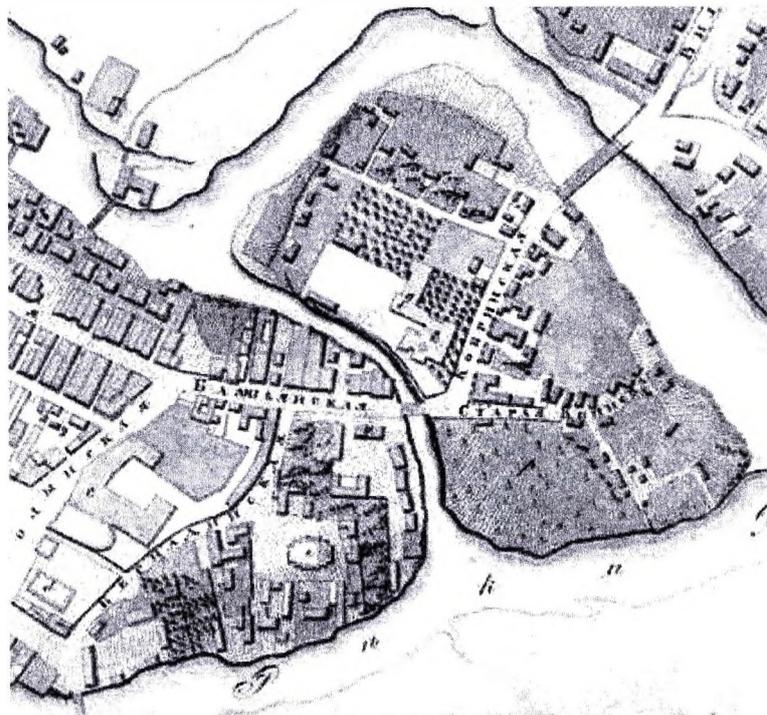

Иллюстрация 8

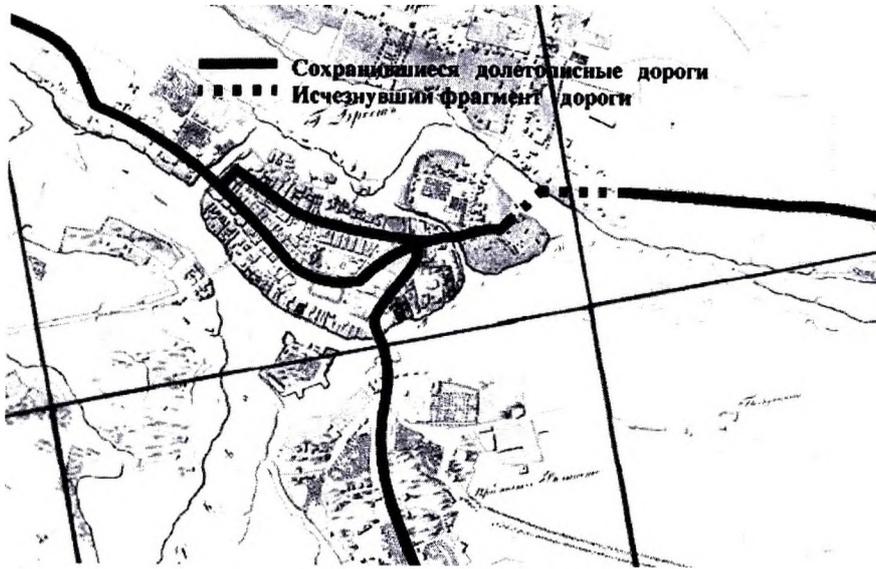

Иллюстрация 9 – Первоначальная трассировка Кобринского гостинца. Реконструкция автора

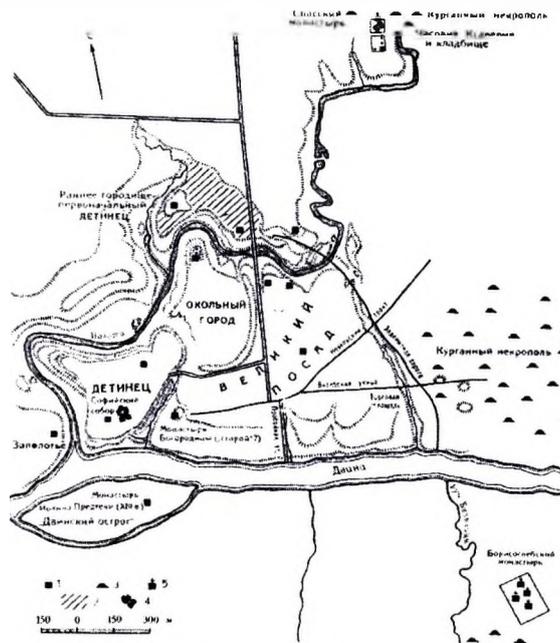

Иллюстрация 10 – План средневекового Полоцка

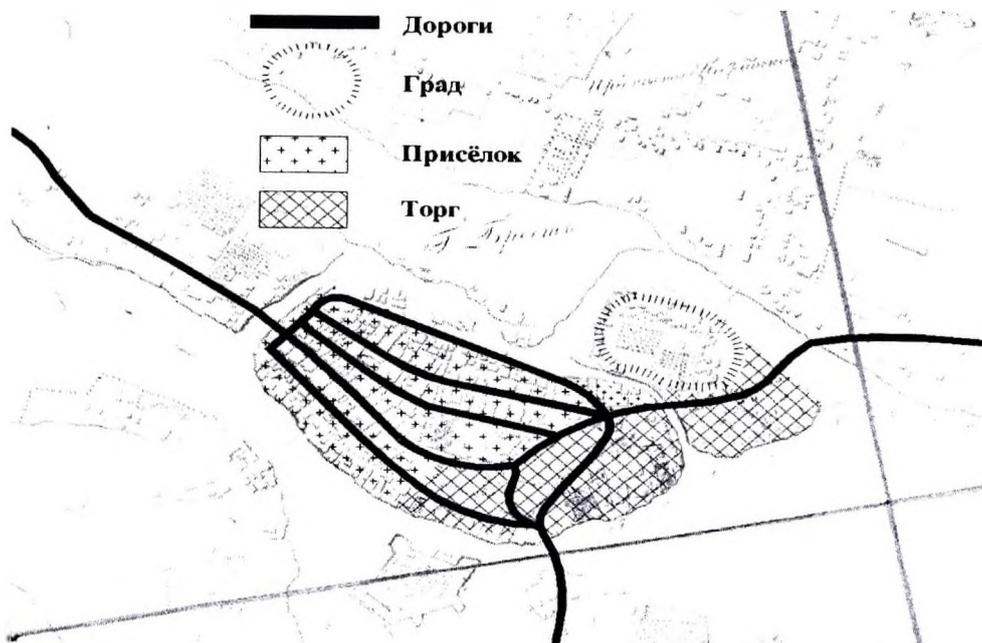

Иллюстрация 11 – Предлагаемая автором схема планировки доисторического Берестья

Список цитированных источников

1. Лысенко, П.Ф. Берестье. – Мн.: Наука и техника, 1985. – 399 с.ил., 4 отд.л. черт.
2. Генеральные планы исторических центров городов. Гродно пособие проектировщику/ Ю.Н.Кишик – Минск: Минскпроект, 2007. – 282 с.: илл.222.
3. Мокеев, Г.Я. Черты своеобразия в структурах городов восточных и западных славян // Архитектурное наследство, – М: Стройиздат, 1975. – №23. – С. 3-13.
4. Древнерусское градостроительство X – XV вв. – М.: 1993. – 392 с.
5. Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. – СПб., 1858. – 242 с. (по матер. сайта www.ibrest.ru)
6. Зоненберг, Х. История города Брест-Литовска. 1016 – 1907. По достоверным источникам и правдоподобным умозаключениям – Брест-Литовск., 1907. – 104 с. (по материалам сайта www.ibrest.ru)
7. Описание староства Берестейского 1566 г // Документы Московского архива Министерства юстиции. – Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. – Т.1. (по материалам сайта www.ibrest.ru)
8. Іоў Алег. Берасцейская зямля у X – XIII стст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – №2. – С. 20-23.
9. Długosz, Jan. Dzieje Polski / Ян Длугош // История Польши. – 107. Krakow, 1868. – Т. II. S. – 106. (по материалам wostlit.ru)
10. Титмар из Мерзебурга. Хроника (Chronikon) / Перевод 2004-2005 гг. (по материалам wostlit.ru)

УДК 728.83.025.4

Давидюк Э.А.

АНАЛИЗ ВОССОЗДАНИЯ УСАДЬБЫ МЕРЕЧЕВЩИНА В ГОРОДЕ КОССОВО ИВАЦЕВИЧЕСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Фольварк Меречевщина входил в состав большого комплекса Коссовских имений и известен с XVI в. Первое упоминание в письменных источниках об этом фольварке относится к 1494 г. Начиная с этого времени, около 400 лет фольварк был частным владением. В первой половине XVIII века земли в фольварке Меречевщина взял в аренду отец Андрея Тадеуша Костюшки – Людвиг Костюшко. В местечке Коссово, которое получило это право в 1510 г., существовали две усадьбы. Первая – “дворная” – в конце улицы Дворной, вторая – фольварк у урочища Меречевщина. Меречевщинский фольварк представлял собой двухчастный комплекс, состоящий из двора и гумнища. На территории двора были размещены два жилых дома. Главный дом был со светлицей и каморой через сени. В состав второго челядного дома входила большая гридня и изба через сени. Возле домов находилась клеть с погребом, далее располагалась сырница на столбах. Покрывают эти хозяйственные постройки были драницами. Еще в состав фольварка входили две конюшни, покрытые соломой. В центре комплекса размещалось гумнище, разделенное на два гумна: большое “ в пятнадцать стен” и малое. Гумнище состояло из двух одрин, евня и большого свирна с ганком [1, с. 180].

На территории фольварка усадебный дом построен в XVIII веке. Точная дата постройки неизвестна. По данным историков и биографов, именно в этом усадебном доме в 1746 году родился Андрей Тадеуш Костюшко, будущий генерал, руководитель национально – освободительного восстания 1794 г. в Белоруссии, Литве и Польше, почетный гражданин Франции и национальный герой Соединенных Штатов Америки и Польши.

Фольварк до наших дней не сохранился, а усадебный дом несколько раз восстанавливали. Так, в 1857 г. под руководством архитектора Михаила Острометского усадебный дом возродил сын Войцеха Пусловского – Вандалин Пусловский, который в то время был хозяином Коссовского имения [2, с. 154-156]. Современный вид усадьба получила в 2003 г., именно в это время началось ее четвертое воссоздание.

Анализируя последнее воссоздание, сначала обратимся к дошедшим до наших дней изображениям дома Тадеуша Костюшки. Самое раннее датируется 1845 г., выполненное М. Кулешей. Очень похожим на это изображение является рисунок Костревского. На рисунках этих художников дом представляет собой деревянную усадьбу, характерную по своей архитектуре для первой половины XVIII в., с двухъярусной ломаной крышей, покрытой соломой или камышом. Над крышей возвышаются две дымоходные трубы. Перед входом в дом находится крыльцо с крышей на четырех столбах и щитком. С каждой стороны дома размещаются по два окна. На более поздней литографии 1871 г., выполненной Наполеоном Ордой после восстановления усадебного дома Вандалином Пусловским, есть значительные отличия. Крыльцо дома акцентировано большим портиком и окружено с трех боков колоннами. Количество окон также изменяется. На литографии Орды изображены по три окна на каждой из сторон дома. То, как выглядел дом после третьей реставрации, дает нам представление фотография начала XX в. Изображенный на ней дом имеет вид, схожий с рисунком М. Кулеша. Единственное отличие в покрытии крыши, оно не соломенное, а гонтовое. Перед 2-й мировой войной составлены и сохранившиеся в польских архивах чертежи дома, включающие план размещения внутренних помещений.

Воссоздание усадебного дома в 2003 г. выполнено после проведения археологических работ. В ходе этих работ был найден бутовый фундамент XVIII в., обнаружены фрагменты “муравленой” кафли, использованные как изразцы при возведении печи и каминов в возрожденном доме.

Последнее воссоздание усадьбы характеризуется научным подходом. Оно произведено на анализе исторической и технической литературы. Технологии проведения строительных работ тщательно изучались авторами воссоздания. Для возведения камышовой крыши привлекались старые мастера, еще помнящие технологию возведения. Работы по возрождению дома осуществлялись архитекторами и инженерами организации “ Брестреставраципроект”. В работе над проектом принимали участие археолог В. Соболев, историк С. Адамович [3, с. 79-81].

Хартия архитектурного наследия, принятая на Международном конгрессе реставраторов в г. Москве в мае 1996 г., представляет возможным воссоздание утраченных исторических объектов только в структуре исторической среды